

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.326.349>

КИПЧАКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ ПРЕДУРАЛЬЯ

© 2023 г. С.Э. Zubov, R.R. Sattarov

В статье публикуются материалы раскопок Кипчаковского городища, проведенных С.Э. Zubovым в 2006 году. Полученная коллекция находок из раскопок и многочисленный подъемный материал, собранный на территории ежегодно распаханного городища позволил сделать вывод о его принадлежности к раннему этапу пьяноборской культуры и объединить его с одновременным Кипчаковским I курганно-грунтовым могильником в единый археологический комплекс. Указанные объекты археологии фиксируют сложные этнокультурные процессы сложения пьяноборской культуры, усложненные миграционными подвижками населения. В настоящей работе делается вывод об однослойности укрепленного поселения и его хронологической увязки с могильником, функционирование которых может определяться временем в пределах II в. до н.э. – I в. н.э. Значительная по сравнению с другими пьяноборскими укрепленными поселениями площадь городища (40 000 кв.м) и большие размеры могильника дают возможность предполагать, что Кипчаковское городище на рубеже эр выполняло роль административно-территориального центра первой величины. Учитывая малочисленность археологических работ на поселениях пьяноборской культуры в целом, и уникальность Кипчаковского археологического комплекса – в частности, авторы считают обоснованной публикацию исследования нового памятника археологии, материалы которого существенно дополняют картину историко-культурного развития региона в раннем железном веке.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, пьяноборская культура, Кипчаковское городище, керамика, глиняная пластика.

KIPCHAKOVO HILLFORT OF THE PIANY BOR CULTURE IN THE FOREST-STEPPE ZONE OF THE CIS-URALS

S.E. Zubov, R.R. Sattarov

The authors consider the materials of the excavations by S.E. Zubov, carried out on the Kipchakovo hillfort in 2006. Set of artifacts and numerous surface finds from excavations obtained on the territory of the hillfort under the plough allow to conclude that it belongs to the early stage of the Piany Bor culture and unite it with the synchronous Kipchakovo I barrow – subsoil burial ground into one archaeological assemblage. These objects of archaeology demonstrate the complex ethnic and cultural processes of the Piany Bor culture formation, complicated by the migrations of the population. It is concluded that the fortified settlement is single-layered and chronologically connected with the burial ground and their functioning can be determined by time within the II century BC – I century AD. The sizeable area of the hillfort (40 000 m²) in comparison with other Piany Bor fortified settlements and the large size of the burial ground make it possible to suppose that the Kipchakovo hillfort was an administrative and territorial center of the big importance at the turn of the era. Taking into account the small number of archaeological works carried out on the Piany Bor culture settlements in general and the uniqueness of the Kipchakovo archaeological site in particular, the authors consider it reasonable to publish the study of this new archaeological site, the materials of which significantly supplement the picture of the historical and cultural development of the region in the Early Iron Age.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Piany Bor culture, Kipchakovo hillfort, ceramics, clay items.

В научной практике при изучении объектов археологического наследия раннего железного века лесостепной зоны Предуралья так уж сложилось, что наиболее исследованными являются погребальные памятники, в то время как поселенческие материалы остаются менее изученными. Этому есть ряд объективных и субъективных причин, на анализе которых мы не будем подробно останавливаться. Скажем только, что многие археологи (и мы здесь не исключение) предпочитают вместо кропотливого и сложного исследования на городище или селище (особенно это касается отчетной части) предпочитают проводить раскопки погребальных памятников. Особенно когда это касается оседлого населения

раннего железного века с достаточно богатым погребальным инвентарем и характерной погребальной практикой. Именно погребальные комплексы дают наибольший категорийный ряд артефактов (оружие, посуда, бытовые орудия, многочисленные украшения и пр.) для их использования в хронологических построениях, поскольку именно датирование является одной из ключевых проблем в археологии. Поселенческий материал не менее привлекателен для изучения жизнедеятельности древних человеческих коллективов, но получение новой и достоверной информации предполагает проведение широкомасштабных работ с большими объемами площадных раскопок. Не каждому исследователю это под силу в организационном или финансовом смысле.

При этом особую важность для реконструкции исторических процессов, понимания социально-культурных и технологических изменений во времени и пространстве дают исследования совокупности археологических объектов, входящих в единый комплекс памятников определенной группы населения. Такие исследования в научной практике существенно дополняют картину историко-культурного развития региона и населения, проживающего на этой территории в определенное время, либо в корне меняют сложившиеся представления о характере, месте, времени формирования и завершения археологических культур, их этнокультурной атрибуции. В целом дают качественно новую информацию об исторических процессах в древности.

Именно к таким объектам относится Кипчаковский археологический комплекс, материалы раскопок которого самым непосредственным образом влияют на осмысление процессов формирования пьяноборской археологической культуры, вопросов датирования ранних комплексов и изучения исторических коллизий, повлиявших на становление и развитие одной из интереснейших археологических культур эпохи раннего железного века в Волго-Уралье.

Кипчаковский археологический комплекс расположен в лесостепной зоне Предуралья, на коренной террасе правого берега р. Сюнь, левого притока р. Белой (рис. 1). Он включает в себя укрепленное поселение и кургано-грунтовый могильник, расположенный в непосредственной близости от внешнего вала Кипчаковского городища (рис. 2). Вместе эти

два археологических объекта, без сомнения, представляют собой единую археологическую совокупность памятников, материалы которых представлены раннепьяноборскими древностями и коррелируются между собой достаточно четко (Зубов, 2004, 2007, 2010; Гарустович, Тагиров, 2012; Зубов, Саттаров, 2018; Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021, а, б; Овсянников, Зубов, 2022).

Мысовое городище, находящееся в непосредственной близости от могильника, впервые было введено в научный оборот В.Ф. Генингом под названием Минияровского (Генинг, 1971, с. 123), площадь которого исследователем была определена в 10 тыс. кв. м (Генинг, 1970, рис. 2: 2). При публикации этого памятника произошла, очевидно, опечатка, так как село, давшее название городищу, именуется Миньярово (Актанышский район Республики Татарстан). В ходе исследований 90-х гг. прошлого века была произведена привязка данного памятника к д. Кипчаково Илишевского района Республики Башкортостан (поскольку располагается на территории этой республики) и внесены серьезные коррективы в характеристику археологического объекта. Вместо одного вала, указанного в публикации, была обнаружена система оборонительных укреплений, состоявшая из трех валов: двух напольных и одного кокошничкообразного вала, защищавшего стрелку мыса, полого спускающуюся в пойму р. Сюнь. Фиксация первого напольного вала в значительной мере затруднена из-за ежегодной распашки, однако он превосходно читается на аэрофотосъемках 1967 года, да и современные космоснимки позволяют довольно четко фиксировать оба напольных вала. Общая площадь городища составляет примерно 40 000 кв. м вместо 10 000 кв. м по В.Ф. Генингу (Генинг, 1970, рис. 2: 2). Данное городище среди известных нам на сегодняшний день пьяноборских укрепленных поселений самое большое (Зубов, 1993; Зубов, 2007; Гарустович, Тагиров, 2012, с. 124). Для сравнения можно использовать сводку площадей пьяноборских (чегандинских) городищ, опубликованную В.Ф. Генингом, где наиболее крупные городища из представленных 36 не превышают 15 000 кв. м (Генинг, 1970, с. 16, табл. В). Указанное же в работах Д.Г. Бугрова Умировское городище с заявленной площадью 44 000 га (Бугров, 2006а, табл. 4: № 183; Бугров, 2006б, табл. 1:

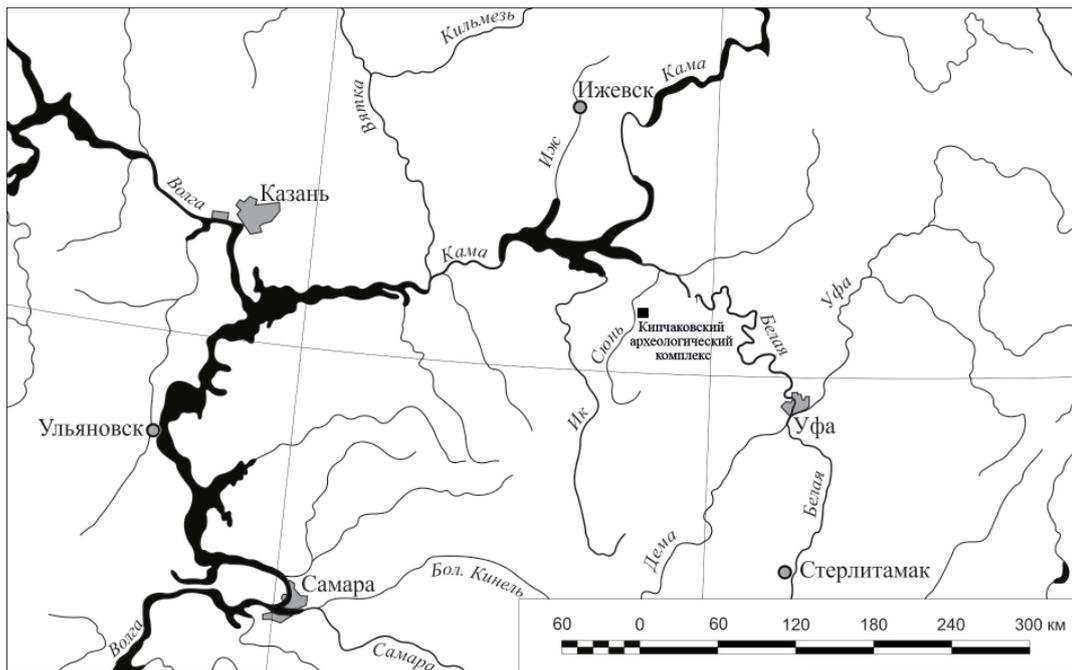

Рис. 1. Расположение Кипчаковского археологического комплекса
 Fig. 1. Location of the Kipchakovo archaeological site

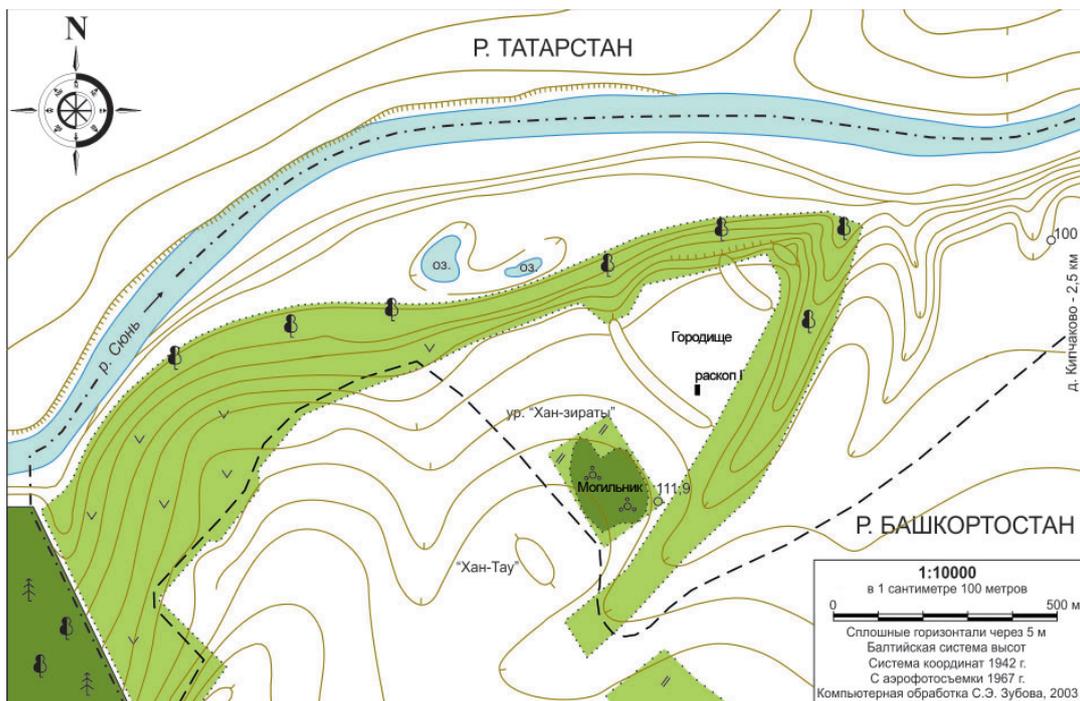

Рис. 2. Топографический план Кипчаковского археологического комплекса (Кипчаковское городище с указанием раскопа I 2006 г. и Кипчаковский курганно-грунтовоый могильник в урочище «Хан-зираты»)
 Fig. 2. Topographic plan of the Kipchakovo archaeological complex (Kipchakovo hillfort with an indication of 2006 excavation I and Kipchakovo I barrow – subsoil burial ground in the survey mark "Khan-Ziraty")

№ 28) является небольшим селищем на мысу ручья Коры-Елга (левый приток р. Сюнь) с весьма скудным культурным слоем. За оборонительные сооружения были приняты валики опашки сокращающихся сельскохозяйственных полей.

Мысовая площадка Кипчаковского городища ровная, с небольшим понижением в северо-северо-западной части, с северной стороны ограничена обрывом террасы в сторону реки Сюнь, восточная сторона – крутым глубоким оврагом с протекающим по его дну ручьем.

На территории этого укрепленного поселения, ежегодно подвергающегося распашке при сельскохозяйственной деятельности, собран значительный подъемный материал, который убедительно соотносится с древностями раннего этапа археологической пьяноборской культуры. Среди подъемной коллекции большое количество керамического материала и остеологических останков. Фрагменты керамических сосудов (рис. 3: 1–4, 6–8) в цветовой гамме от светло-оранжевого до серого в большинстве своем с примесью толченой речной раковины из двустворчатой перловицы обыкновенной (лат. *Unio pictorum*), фрагменты которой встречаются среди подъемного материала на городище. Преобладают формы слабопрофилированных горшков с более или менее выраженным плечиком и открытых чаш с округлыми, иногда слегка уплощенными днищами. К днищу стенки сосудов немного утолщаются. Размеры керамических сосудов по устью укладываются в среднем в пределах 15–30 см в диаметре. Средняя толщина стенок в пределах 5–8 мм. Хотя встречаются очень маленькие сосудики с тонкими (3–4 мм) стенками высотой 5–6 см с диаметром горловины 4–5 см. Большинство сосудов украшено по шейке одним рядом круглых ямочных вдавлений. Иногда этот орнаментальный элемент усложняется треугольниками из таких же ямочных вдавлений. Ряд фрагментов украшен круглыми трубчатymi оттисками. Кроме этого, в небольшом количестве присутствуют фрагменты сосудов с «веревочным» орнаментом из одного, двух и более (до четырех) поясков. Единично встречены фрагменты с «веревочным» орнаментом в виде волны, повторяющихся треугольников, колец и пр. Еще реже встречаются фрагменты сосудов, украшенные различными по размеру и форме удлиненными вдавлениями.

Керамическая коллекция подъемного материала была исследована при помощи технико-технологического анализа Н.П. Салугиной (г. Самара) и В.И. Мухаметдиновым (г. Уфа). Если резюмировать результаты этих исследований, то можно сказать, что исходное пластичное сырье в целом делится на две неравномерные группы: незапесоченная глина с содержанием оолитового бурого железняка в большинстве исследованных фрагментов керамики, в единичных случаях – запесоченная глина. При составлении формовочной

массы в качестве искусственных компонентов в ряде случаев вводились органика, кальцинированная дробленая кость. При этом практически во всей массе керамического материала в качестве основного компонента формовочной массы присутствует дробленая раковина размером от пылевидных фракций до 1 мм (среднее значение 0,2–0,5 мм) в разной концентрации от 1:2 до 1:7. Обработка поверхности сосудов производилась преимущественно заглаживанием инструментом с эластичной рабочей частью, мягкими предметами (тканью, овчиной и пр.). На некоторых сосудах фиксируется лощение по поверхности. Обжиг сосудов, предположительно, мог осуществляться в условиях смешанной окислительно-восстановительной атмосферы.

На территории городища собрана небольшая коллекция и фрагментов глиняной обмазки строительных сооружений (рис. 3: 5). На некоторых из них сохранились отпечатки прутьев.

Из других керамических изделий, происходящих с поверхностных сборов, следует отметить пряслица разнообразных форм – дисковидные, сегментовидные и в форме усеченного конуса. Некоторые из них орнаментированы (рис. 3: 15–20). Найдены две керамические бусины серо-оранжевого цвета с тонкими (0,5 мм) сквозными отверстиями (типа рис. 7: 20).

В числе поверхностных сборов с распахиваемой площадки городища следует отметить две фрагментированные керамические лепные фигурки. Антропоморфная фигурка с раскинутыми в стороны руками и условно вылепленной головой конусовидной формы обломана в районе пояса. На фигурке фиксируются элементы украшений одежды типа запашного кафтана или армяка с отделкой по бортам. На спине фигурки одежда также декорирована различными прочерченными по сырой глине геометрическими узорами, возможно отражающими украшение верхней одежды из аппликации или вышивки (рис. 3: 9). Вторая фрагментированная лепная фигурка, по всей очевидности, является изображением лошади (рис. 3: 10). Она представляет собой вытянутое округлое туловище с четырьмя обломанными ногами и обломанным хвостом. На сохранившемся фрагменте шеи (голова также обломана) довольно хорошо выделена грива путем прищипывания (оттягивания) от общей

Рис. 3. Керамический подъемный материал с Кипчаковского городища

Fig. 3. Ceramic surface finds from the Kipchakovo hillfort

формы. Среди пьяноборских древностей это вторая глиняная зооморфная фигурка лошади. Первая происходит из коллекции Серенькиного городища на р. Белой и представляет собой фрагмент из головы и шеи животного (Иванов, 2003, с. 202, рис. 6: 7).

Собрана небольшая коллекция фрагментированных глиняных изделий, форма которых напоминает короткие ножки сосудиков, вполне возможно от курильниц или алтариков (рис. 3: 11–14; 4: 4). На это как будто указывают сферические вдавления на некоторых из них, похожие на оттиски круглодонной основы. Фрагментарность этих изделий позво-

ляет исследователям по-разному трактовать данную категорию находок. В.А. Иванов определил их основанием антропоморфных фигурок (Иванов, 1976, рис. 2: 6, 7, 9; Иванов, 2003, с. 202), а глиняную гантелевидную фигурку круглого сечения, украшенную двумя поясками вертикальных насечек (Серенькино городище, раскопки 1989 г.), отметил как фишку, сославшись на мнение авторов раскопок (Иванов, 2003, с. 202). М.Ф. Обыденнову и К.И. Корепанову в подобных этим изделиях видятся фаллические (?) символы (Обыденнов, Корепанов, 2001, с. 60–66, рис. 49: 5, 7; 50: 5, 6; 53: 12). Кстати, и В.А. Иванову также

привиделся фаллос в коллекции глиняных антропоморфных фигурок Серенькиного городища (Иванов, 2003, с. 202).

Остеологические сборы с поверхности городища состоят из остатков млекопитающих, птиц и рыб. В разные годы эти сборы осматривали и определяли видовой состав А.П. Косинцев, В.В. Гасилин, Н.В. Рослякова. Кости млекопитающих на Кипчаковском городище преобладают. Домашние виды представлены костями лошади, крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, свиньи и собаки. На некоторых фрагментах обнаружены следы искусственного воздействия. Среди них преобладают следы воздействия открытого огня и кухонной разделки. Степень раздробленности костей и следы искусственного воздействия на них позволяют отнести преобладающую часть остеологической коллекции к категории «кухонные остатки». Охотничьи виды млекопитающих представлены костями медведя, зайца, бобра, куницы, выдры.

Изделия из кости представлены фрагментированной заготовкой псалия (?) с намеченными вырезами (рис. 4: 2) и застежкой с неподвижным штырем, расположенным не по центру, а в верхней (нижней) части изделия (рис. 4: 6).

В достаточно большом количестве на поверхности укрепленного поселения собраны шлаки черной металлургии и медеплавильного производства. Интересно, что эти находки концентрировались преимущественно на примыкающих к первому напольному валу территориях городища.

Из железных предметов с поверхности городища найдены небольшая пластина с отверстием в центре (рис. 4: 3) и мотыжка-тесло с незамкнутой втулкой и довольно узкой (2 см) рабочей частью (рис. 4: 1), что больше напоминает плотницкий инструмент (тесло, стамеска, долото).

В 2012 году Ф.М. Тагиров обнаружил плоскую бронзовую накладку с изображением протом медведей (рис. 4: 5). По мнению В.В. Овсянникова, эта находка первоначально выполняла роль распределителя ремней. Впоследствии, после удаления петель на обороте, служила, вероятно, в качестве нашивки. Анализ предметов с изображением протом медведей позволил исследователю связать кипчаковскую находку с кара-абызскими

древностями и отнести их к одной изобразительной и технологической традиции (Овсянников, 2013; Овсянников, Зубов, 2022).

При открытии В.Ф. Генингом городища не был обнаружен курганный могильник, находящийся в 70–80 м к юго-западу от первого внешнего вала городища. Территория, на которой располагается могильник, местными жителями называется «Хан-зираты» (могила хана, ханское кладбище), где, согласно легенде, захоронены хан и его воины. Ставка хана, по преданию, располагалась на горе, именуемой «Хан-Тау» (ханская гора), – наивысшей точке, видимой со стороны д. Кипчаково, у северо-восточного подножия которой и находится могильник. Местонахождение могильника было указано местным жителем д. Кипчаково У.Х. Басыровым сотруднику Башкирского государственного объединенного музея Ф.М. Тагирову, проводившему весной 1990 года разведочные археологические работы в Илишевском районе (Тагиров, 1990). Летом этого же года могильник был обследован отрядом археологической экспедиции Башкирского научного центра УрО АН СССР под руководством В.А. Иванова и Г.Н. Гарустовича. Для определения культурной принадлежности курганного могильника были раскопаны две курганные насыпи, под которыми было исследовано восемь погребений, погребальный инвентарь которых соотносился с материалами пьяноборской культуры раннего железного века. В дальнейшем исследования на могильнике проводились Ф.М. Тагировым и С.Э. Зубовым, а полученные в результате раскопок материалы позволили отнести могильник к числу курганно-грунтовых.

Кипчаковский некрополь резко выделяется на фоне остальных пьяноборских памятников своим погребальным обрядом (наличие подкурганных и грунтовых захоронений, в основе своей хронологически синхронных) в сочетании с типично пьяноборским инвентарем, а также наиболее ранней хронологической позицией (II в до н. э. – I в. н. э.) по сравнению с другими, исключительно грунтовыми, пьяноборскими могильниками (Зубов, 2010, с. 72, Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021а, с. 265; Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021б, с. 504).

В 1992 году во время раскопок Кипчаковского I курганно-грунтового могильника (Зубов, 1993) В.В. Овсянниковым был исследован

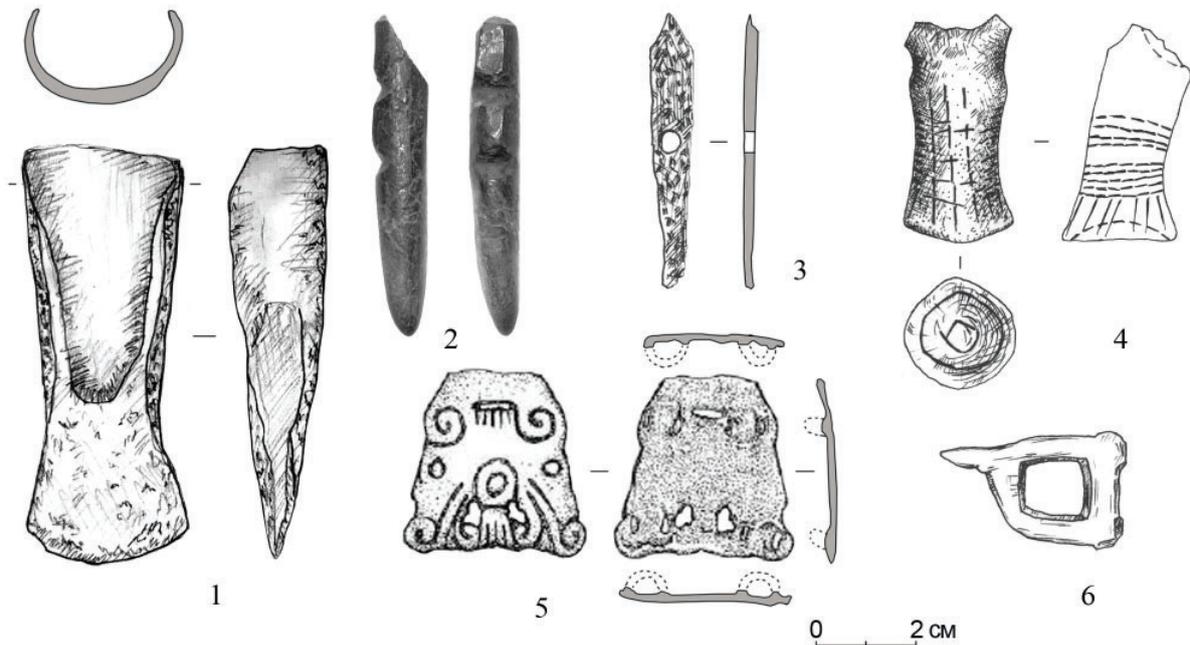

Рис. 4. Подъемный материал с Кипчаковского городища (продолжение)
Fig. 4. Surface finds from the Kipchakovo hillfort (continuation)

дован вал, перекрывающий стрелку мыса (Овсянников, 1993). В 2001 году для оценки мощности культурного слоя Ф.М. Тагировым была произведена разведочная шурфовка на территории Кипчаковского городища (Гарустович, Тагиров, 2012).

В 2006 году С.Э. Зубов провел небольшие раскопки на территории городища (рис. 2). Раскоп площадью 192 кв. м был заложен в юго-восточной части площадки городища примерно в 10 м от первого напольного вала. Раскоп ориентирован по сторонам света, длинной стороной по линии С–Ю.

В раскопе была зафиксирована следующая стратиграфия:

1. Слой гумусированного суглинка темно-коричневого цвета, насыщенный находками. Почвенная структура пылевидная или мелкозернистая. Верхняя часть слоя ежегодно подвергается распашке. Мощность слоя 40–45 см.

2. Материк – плотный суглинок светлорыжевого цвета. Почвенная структура мелкозернистая.

Изучение культурного слоя городища производилось условными горизонтами по 10–15 см до материка. В юго-западной части раскопа зафиксировано сооружение, уходившее в южный борт раскопа. На дне сооружения выявлено скопление камней. Вероятнее всего,

это сооружение по своему функциональному назначению относится к производственным. Об этом свидетельствует достаточно большое количество шлаков, керамики и костей животных, сконцентрированных в юго-западных квадратах раскопа (рис. 6). Наибольшая их концентрация приходится на квадраты 1, 2 по линии А, Б, В, где и была зафиксирована окраинная часть сооружения. Кроме того, необходимо отметить, что некоторое количество массового материала сосредоточено и в северо-западной части раскопа. Вероятно, в этой части раскопа была исследована периферия какого-то сооружения производственного, судя по наличию шлаков, характера. Границы этого предполагаемого сооружения в северо-западной части исследованного участка не зафиксированы.

Всего в раскопе найдено 1622 предмета: фрагменты керамической посуды (1090 ед.), кости животных (275 ед.), куски обожженной глины (обмазки) (60 ед.), обломки раковин (129 ед.), индивидуальные находки (62 ед.) из металла (железа и бронзы), кости, глины и камня.

Керамика Кипчаковского городища представлена лепной, круглодонной, слабопрофилированной тонкостенной посудой. Цвет поверхности черепков от светло-коричневого до темно-серого. Визуально в качестве

компонента формовочной массы прослеживается значительное содержание толченой раковины моллюсков (перловиц). Поверхность черепков преимущественно заглажена мягкими предметами (тканью, овчиной и пр.).

Орнаментированная керамика представлена следующими группами:

группа 1 (99 ед.) – горизонтальный поясик из ямок-вдавлений через равные интервалы (1–2 см) по верху сосуда, преимущественно по шейке. Глубина вдавлений равна примерно половине толщины стенки сосуда (рис. 5А: 1–4, 7);

группа 2 (6 ед.) – два ряда аналогичных ямок 1 группы. Система расположения ямок по отношению друг к другу различна. Присутствуют фрагменты керамики с ямками, расположенными друг под другом (в одном случае ямки-вдавнения имеют вид уплощенного овала, а глубина вдавления несколько меньше обычных), и две линии ямок, образующих зигзаг (рис. 5А: 6, 9);

группа 3 (3 ед.) – горизонтальный шнур («веревочка») нанесен совместно с пояском ямок. Линия ямок расположена выше и параллельно линии шнура, расстояние между круглыми вдавлениями 1–2 см (рис. 5А: 8);

группа 4 (4 ед.) – горизонтальные полосы шнура идут параллельно друг другу, шнуровой орнамент состоит из двух-трех оттисков «веревочки» (рис. 5А: 11). Сильно фрагментарный характер одного из обломков этой группы предполагает возможность наличия более трех полос, поскольку над горизонтальными полосами расположены три косые линии, предполагающие, что они вписаны в орнамент из параллельных шнуров (рис. 5А: 12);

группа 5 (2 ед.) – с внутренней стороны выявлен ряд полос, которые можно отнести к особым технологическим приемам изготовления керамической посуды (заглаживание?) (рис. 5А: 14);

группа 6 (1 ед.) – круглый кольцевой орнамент, нанесенный штампом (полый костью), диаметром 10 мм, дополненный круглой ямкой по центру. Поскольку фрагмент маленького размера, судить о системе орнамента сложно (рис. 5А: 13);

группа 7 (1 ед.) – накольчатый, бессистемный орнамент по шейке сосуда. Керамический сосуд представляет собой невысокую (3,5 см), малого диаметра (около 3 см по внутренне-

му краю) чашу. По форме, толщине стенок, структуре теста больше напоминает тигель (ляячку) (рис. 5А: 10);

группа 8 (5 ед.) – сквозные отверстия, вероятнее всего, относятся к системе крепления рукояти для переноса посуды (рис. 5А: 5).

Традиционно сосуды со шнуровым орнаментом исследователями относятся к ананьинским древностям (Чижевский и др., 2021, с.192–195). В настоящей выборке подобная посуда представлена всего семью орнаментированными венчиками, что составляет около 6% всех сосудов. «Классическая» пьяноборская посуда составляет около 82%. Близкие цифры были получены и В.А. Ивановым при изучении керамики городища Серенькино. Керамика, украшенная отрисками шнура, по его подсчетам, составила 8,1% всех сосудов, керамика с горизонтальным пояском из ямок – 87,2% (Иванов, 2003, с. 203).

В раскопе собрано 275 фрагментов костей животных¹. Естественная сохранность большинства костей животных, собранных на поселении, оценивается как хорошая и отличная, она оценивается соответственно в 4–5 баллов (по пятибалльной шкале). Среднее значение индекса искусственной раздробленности – 36,9 фрагментов на 1 куб. дм. Оно является обычным для кухонного расчленения целых костей, которое варьирует от 10 до 50 фрагментов на 1 куб. дм.

На 27,6% всех фрагментов обнаружены следы искусственного воздействия. Среди них преобладают следы воздействия открытого огня (78,9%) и кухонной разделки (15,8%). Степень раздробленности костей и следы искусственного воздействия на них позволяют отнести всю коллекцию к категории «кухонные остатки».

До видового уровня определено 83,4% всех костей. Osteологическая коллекция из Кипчаковского городища состоит из остатков млекопитающих, птиц и рыб. Кости млекопитающих составляют 95,4% всех костных материалов. Домашние виды представлены костями крупного рогатого скота (*Bos taurus*), лошади (*Equus caballus*), мелкого рогатого скота (*Ovis/Capra*), свиньи (*Sus scrofa forma domestica*) и собаки (*Canis familiaris*). Охотничьи виды млекопитающих: медведь (*Ursus arctos*), заяц (*Lepus sp.*) и бобр (*Castor fiber*).

Индивидуальные находки представлены предметами вооружения, хозяйственно-быто-

Рис. 5. Общий план раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища с указанием индивидуальных находок (А) и орнаментированная керамика (Б)
Fig. 5. General plan of 2006 excavation I on the Kipchakovo hillfort with the indication of solitary finds (A) and ornamental pottery (B)

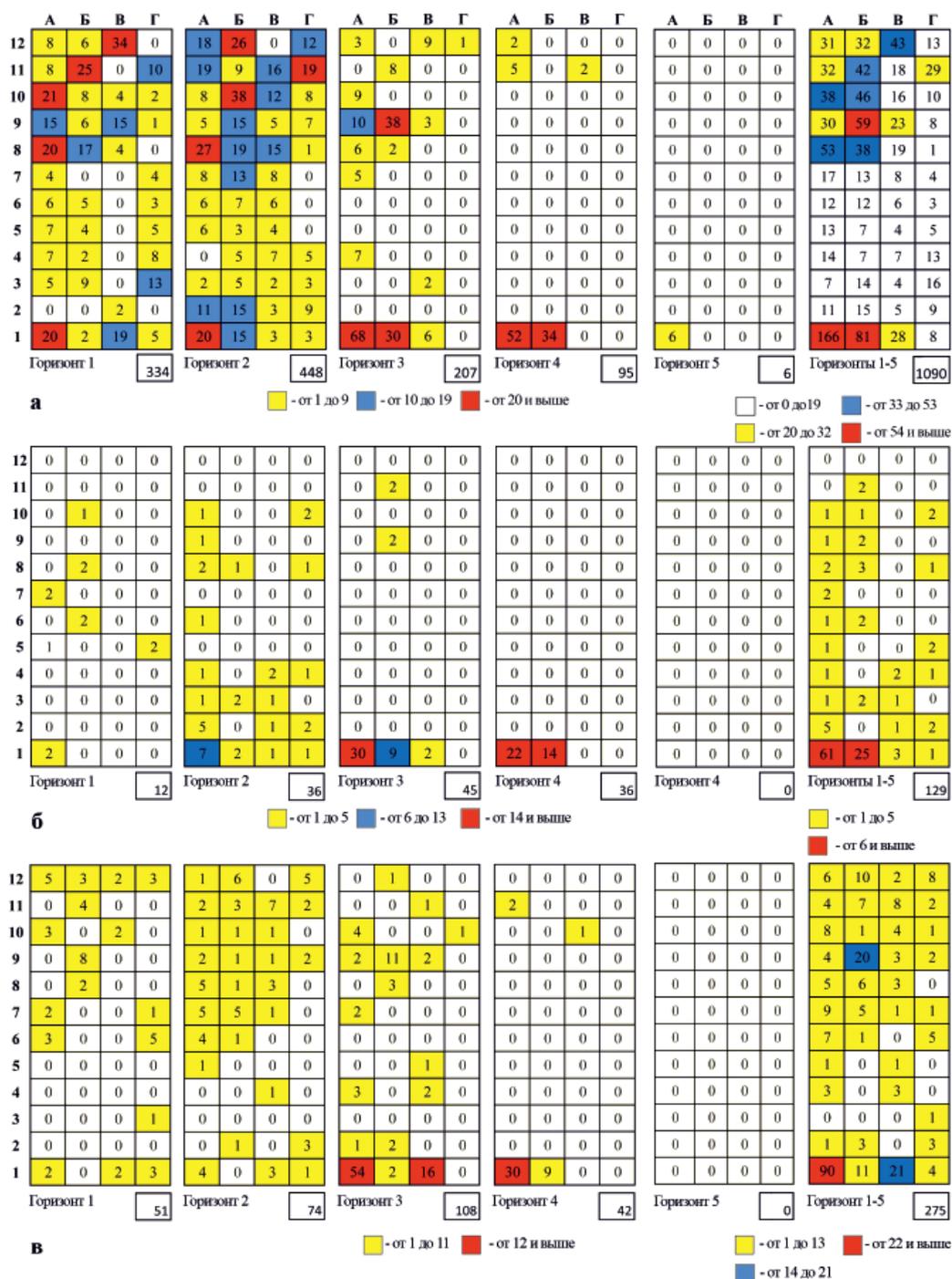

Рис. 6. Распределение массовых находок раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища:

а – фрагменты керамической посуды; б – шлаки; в – кости животных

Fig. 6. Distribution of frequent finds at 2006 excavation I from the Kipchakovo hillfort:

а – fragments of pottery; б – slags; в – animal bones

вого назначения и украшениями. Предметы вооружения (2 ед.) представлены медными трехлопастными наконечники стрел с треугольной головкой и выступающей втулкой (рис. 7: 35, 36). Такие наконечники находят полные аналогии в сарматских (Мошкова, 1962, 1963; Хазанов, 1971; Скрипкин, 1990) и кара-абызских древностях (Иванов, 1984).

Украшения представлены каркасной подвеской и бусами. Каплевидные каркасные подвески (рис. 7: 37), изготовленные из бронзы, являются довольно редкими находками в памятниках пьяноборской культуры. Нами учтено 18 находок, которые происходят из семи могильников: Камышлытамакского I, Кушулевого I и II, Уяндыкского I (Агеев,

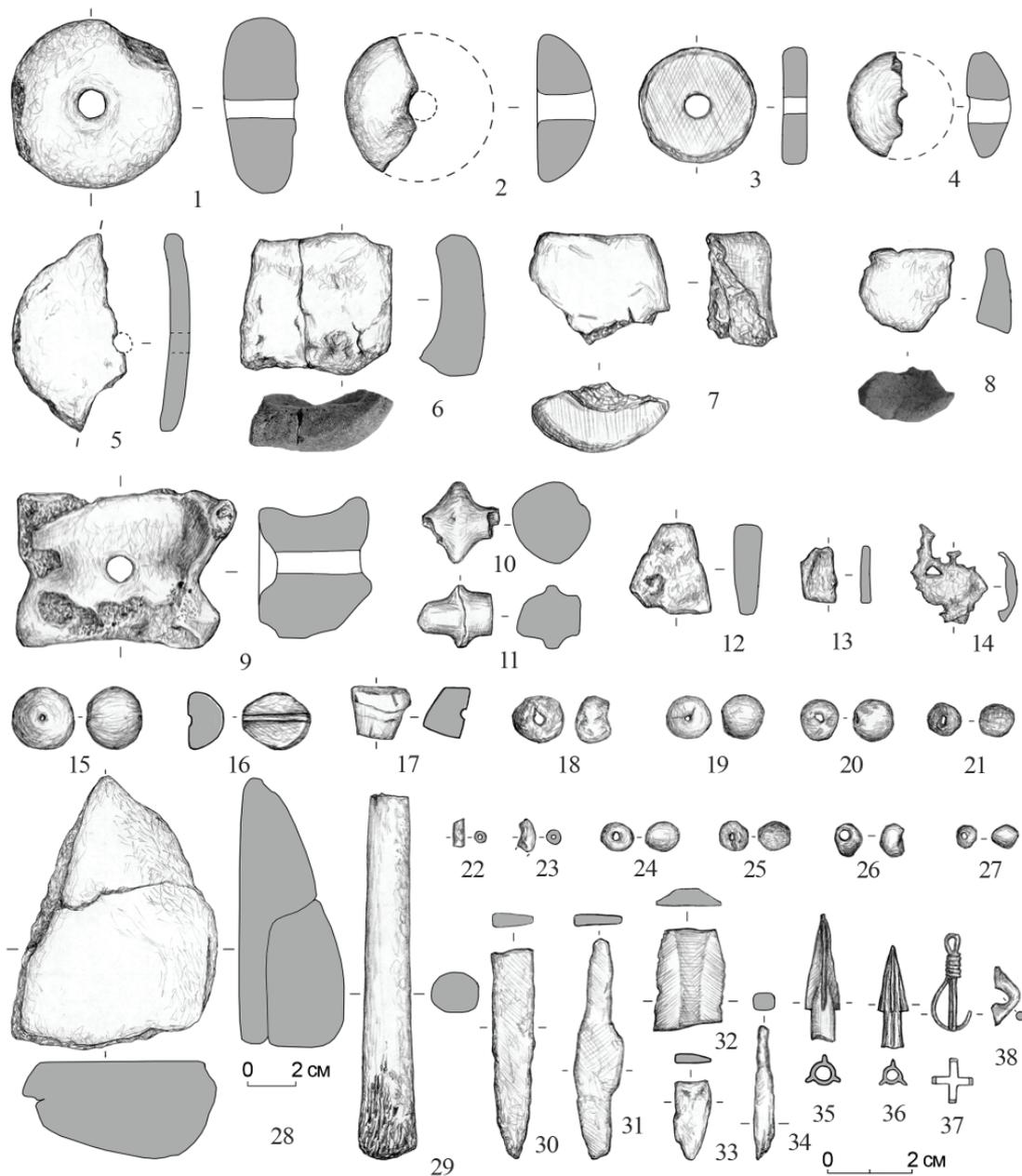

Рис. 7. Индивидуальные находки с раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища.

Fig. 7. Solitary finds at 2006 excavation I of the Kipchakovo hillfort.

1992, с. 32, 112, табл. 1: 15), Кипчаковского I (Зубов, 2007, с. 91, рис. 1: 25–28), Старокиргизовского (Лифанов, 2017, инв. № 631) Старочекмакского I (Старостин, 1977, рис. 72: 1) и Ныргындинского I (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 91: 3, 4) могильников. В хронологическом отношении каркасные подвески бытовали на всем протяжении существования пьяноборской культуры.

Бусы по материалу изготовления делятся на керамические (10 ед.), стеклянные (1 ед.) и костяные (2 ед.). Керамические бусы имеют округлые или бочковидные формы, поперечно сжатые, с примесью мелкоотолченной раковины

или скорлупы в составе теста (рис. 7: 15, 16, 18–21, 25–27). Лишь форма одного экземпляра несколько отличается. Бусина представлена в виде удлиненной дугообразной пронизы, один из концов обломан (рис. 7: 23).

Костяная бусина представлена удлиненной цилиндрической пронизью, один из краев которой скошен под углом (рис. 7: 22). В раскопе также был обнаружен фрагмент зуба человека² со сквозным отверстием, просверленным в его корневой части (рис. 7: 17).

Стеклянная бусина (рис. 7: 19) представлена одноцветной бусиной из голубого стекла, которая соотносится с типом 16 по

классификации Е.М. Алексеевой. Подобные бусы в Северном Причерноморье употреблялись в эллинистическое время и первые века н. э. Бусы с мягкими очертаниями и гладкими краями отверстий, к которым относится кипчаковская бусина, отмечены только в комплексах IV–I вв. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 65). В пьяноборской культуре бусы этого типа имеют широкую дату, встречаясь на всем протяжении существования культуры (Саттаров, 2019, с. 82).

В раскопе также найдена бронзовая петля (рис. 7: 38) для крепления изделия, подобного бляшке или накладке (?). Установить тип изделия не представляется возможным.

Предметы хозяйственно-бытового назначения представлены изделиями из железа (ножи, шило), глины (пряслица, «техническая» керамика), камня (деталь зернотерки) и кости (рукоять проколки). Здесь же рассматриваются антропоморфные изделия, «шапочки», «ножки» и изделия неясного назначения.

Ножи (рис. 7: 30, 31, 33) представлены тремя экземплярами (одним целым и двумя фрагментами). Целый экземпляр имеет вогнутую спинку и уступ при переходе лезвия в черенок. Подобные находки, получившие название в литературе «ножи с горбатой спинкой», атрибутируются ананьинским и раннепьяноборским временем (Красноперов, 2020, с. 324). По мнению А.А. Красноперова, «ножи с горбатой спинкой» имеют более широкое время бытования, вплоть до первых веков н. э. (Красноперов, 2020, с. 325).

Шило представляет собой четырехгранный железный стержень, утонченный к черешку (рис. 7: 34). В пьяноборских могильниках шилья из четырехгранного стержня представлены достаточно широко (Агеев, 1992, с. 50, 119). В раскопе также найдено костяное изделие, которое предположительно является рукоятью костяной проколки (рис. 7: 29).

Пряслица (5 экз.) по материалу и технике изготовления делятся на две группы: керамические, вырезанные из стенки сосуда, и керамические лепные. К первой группе относится одно фрагментированное изделие дисковидной формы из стенки лепного сосуда с примесью раковины в тесте (рис. 7: 5). Остальные пряслица относятся ко второй группе. Все они изготовлены ручной лепкой из глины с примесью раковины (рис. 7: 1–3) или без нее (рис. 7: 4). По форме сечения пряслицы

второй группы делятся три типа: овальные (рис. 7: 1), прямоугольные (края диска немного сглажены) (рис. 7: 3) и полусферические (рис. 7: 4). Рассмотренные пряслица довольно часто встречаются на ананьинских и пьяноборских поселениях (Черных, 2021, с. 64, 65, 70).

Деталь зернотерки (рис. 7: 28) изготовлена из известняка-ракушечника. Зернотерки являются нередкими находками на памятниках раннего железного века Волго-Камья. Обычно представляли собой конструкцию из двух овальных или подпрямоугольных в плане каменных плит: массивной нижней (постав, или собственно зернотерка) и более легкой и меньшей по размеру верхней (бегун, или терочник) (Бугров, 2006а, с. 60). Сохранившуюся деталь зернотерки из Кипчаковского городища сложно отнести к какому-либо конструктивному элементу зернотерки.

В раскопе найден фрагмент венчика сосуда (тигель, льячка (?)) с ошлакованной поверхностью, что свидетельствует об его использовании в металлургии или металлообработке (рис. 7: 6). Подобная посуда в научной литературе получила обозначение «техническая керамика» (Бугров, 2006а, с. 97). Вероятнее всего, к технической керамике относятся еще два фрагмента венчика от разных сосудов с диаметром горла около 3 см (рис. 7: 7, 8).

Особый интерес представляют находки глиняной пластики. При исследовании городища найдено семь антропоморфных фигурок (рис. 8: 1–3, 7–10), две «шапочки» (рис. 8: 5, 6) и восемь «ножек» (рис. 8: 11–18). Кроме этого, было найдено одно фрагментированное изделие из обожженной глины (рис. 8: 4), состояние и форма которого не позволяет однозначно отнести его к определенному типу находок. Антропоморфные фигурки представляют собой довольно однородную группу скульптурных изделий из обожженной глины. В большинстве своем основные части тела вылеплены без особой детализации. На многих из них прочерчены различные символы. На ряде фигурок читаются детали одежды.

Весьма интересен факт, который удалось установить в ходе археологических исследований: для фигурок отдельно изготавливались и головные уборы. Характерной особенностью этих изделий является конусовидная внутренняя полость. Известно, что практически все антропоморфные фигурки имеют

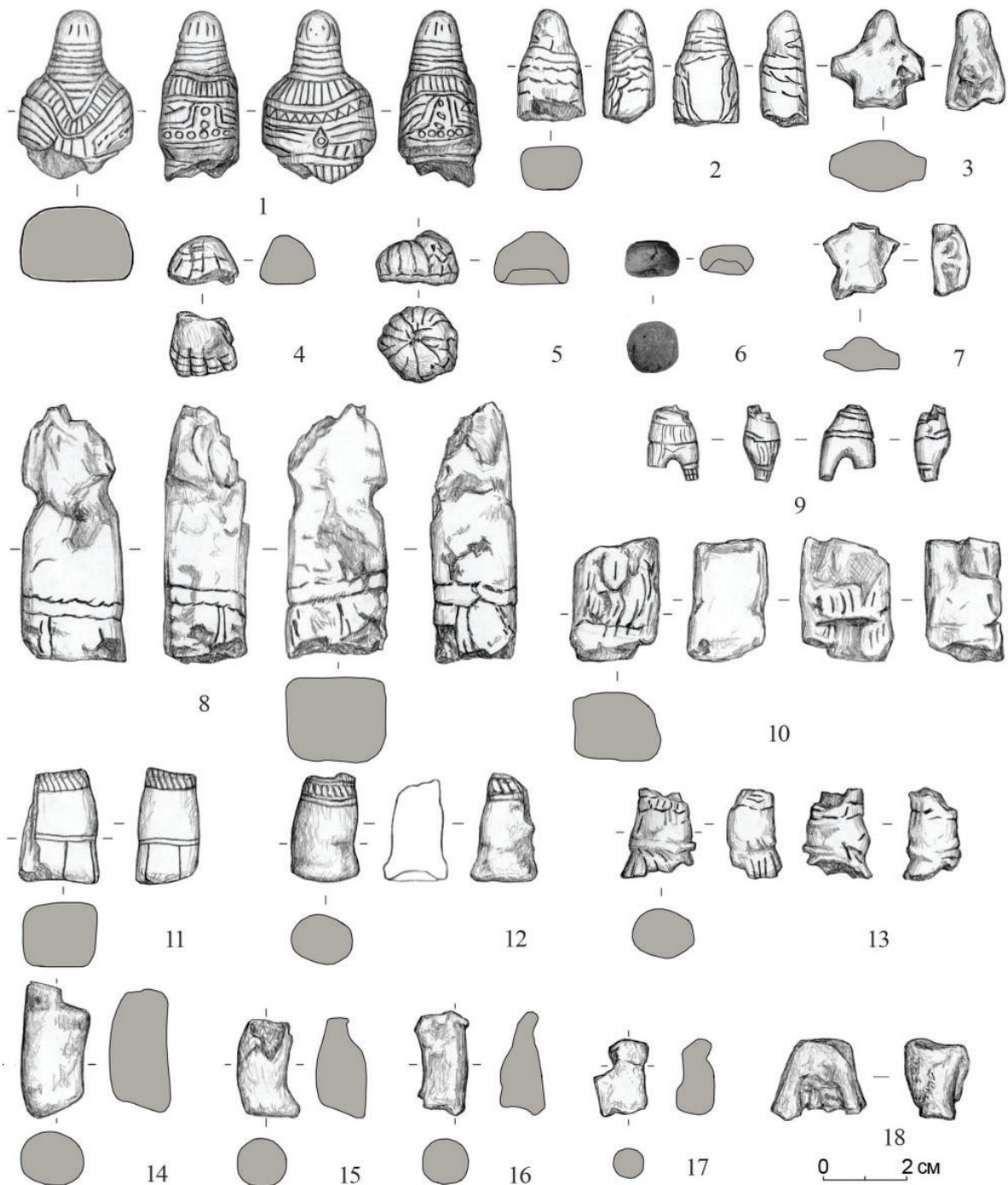

Рис. 8. Индивидуальные находки с раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища (продолжение).

Fig. 8. Solitary finds at 2006 excavation I of the Kipchakovo hillfort (continuation).

голову в виде конуса. Именно эти наблюдения позволили отнести эти изделия к головным уборам – «шапочкам» (Саттаров, 2013, с. 111). Исследователи из Ижевска также отметили возможную принадлежность этих находок к головным уборам (Голдина и др., 2007, рис. 18: 1, 2).

На сегодняшний день известно достаточно большое количество глиняных антропоморф-

ных фигурок с поселенческих материалов ананьинской культурно-исторической области и пьяноборской культуры (Голдина и др., 2013, с. 58–64). Среди погребального инвентаря глиняных изделий антропоморфного и зооморфного характера до настоящего времени не обнаружено.

К предметам неясного назначения относятся два волчковидных изделия, изго-

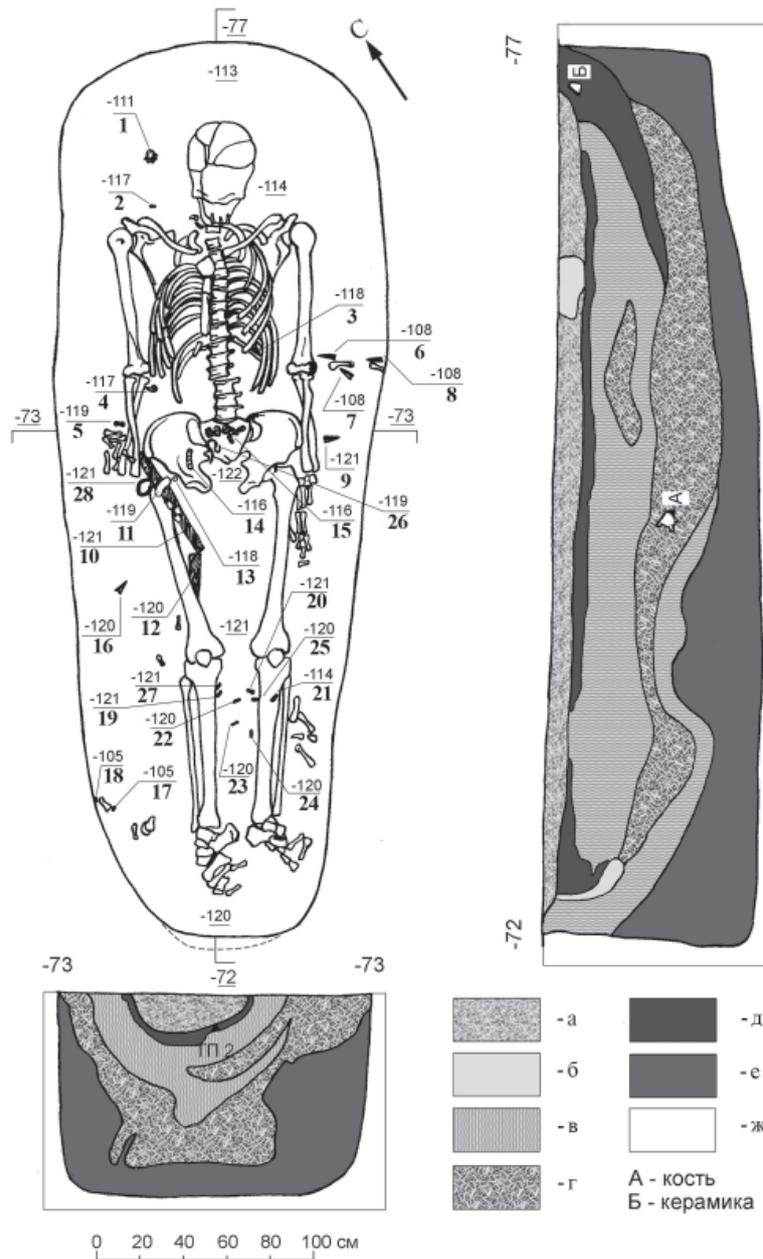

Рис. 9. План погребения 1 из раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища
Fig. 9. Plan of burial 1 from 2006 excavation I of the Kipchakovo hillfort

товленных из глины (рис. 7: 10) и камня (рис. 7: 11), таранная кость МРС с искусственным просверленным отверстием³ (рис. 7: 9), фрагменты глиняных плиток (рис. 7: 12, 13) и бронзового изделия (рис. 7: 14).

В коллекции индивидуальных находок имеется кремневая пластина (рис. 7: 32) из так называемого слоистого кремня. Орудия из такого типа кремня широко распространены на памятниках финала неолита – раннего энеолита (конец V – IV тыс. до н. э.) в Нижнем Прикамье и особенно в приустьевой части р. Белой (Галимова, 2012, с. 25; Лыга-

нов и др., 2015, с. 72, рис. 2), но в данном конкретном случае мы не рассматриваем эту единичную находку в этом хронологическом контексте, поскольку использование кремня для добычи огня было широко распространенным явлением вплоть до Нового времени.

В центральной части раскопа 2006 г. выявлено погребение 1 (рис. 9), которое было ориентировано по оси ССВ – ЮЮЗ⁴. Могильная яма имела в плане подчетыреугольную форму с закругленными углами длиной 207 см, шириной в северо-северо-восточной части

до 70 см, максимальной шириной до 75 см, далее постепенно сужалась к ЮЮЗ до 40 см. Стенки ямы вертикальные, с ЮЮЗ со слабым подбоям около 3 см. Короткие стенки ямы образуют с дном отчетливый угол, длинные – имеют более плавный переход ко дну. Дно ямы ровное, несколько поднималось к ССВ. В засыпи могилы были найдены: в центре позвонки мелкого рогатого скота (?); в 60 см от позвонка к ЮЗ фрагмент лопатки (?); в 70 см к СВ от позвонка два обломка ребер. Кроме того, найдены небольшие фрагменты керамики.

Стратиграфия погребения:

1) слой крупнозернистого обожженно-го суглинка кирпично-коричневого цвета с частичками угольков, керамики, вкраплениями гумуса и золы зафиксирован в виде узкой полосы мощностью до 8 см в средней части ямы, длиной до 192 см (рис. 9: а);

2) линзы золы, первая зафиксирована в 48 см от ССВ края ямы, в длину 14 см, мощностью до 6 см, и вторая линза, имеющая длину 19 см, мощностью до 4 см, была расположена в ЮЮЗ части ямы в 7 см от края (рис. 9: б);

3) легкий суглинок палевого цвета с включениями частичек гумуса, золы располагался двумя прослойками, первая мощностью до 20 см располагалась в центральной части ямы, заканчиваясь в 18 см от ССВ края и 16 см от ЮЮЗ края. Вторая прослойка была немного темнее и плотнее первой, начиналась от ЮЮЗ края ямы, мощностью до 16 см, и продолжалась на 103 см в продольном направлении, постепенно выклиниваясь (рис. 9: в);

4) слой буровато-серого плотного суглинка мощностью до 17 см занимал центральную часть ямы, заканчиваясь в 12 см от ее ССВ края. В его заполнении отмечена мелкая керамическая крошка и кость. Линза буровато-серого плотного суглинка длиной 32 см и мощностью до 5 см располагалась выше, в слое палевого суглинка (рис. 9: г);

5) плотный вязкий суглинок черно-коричневого цвета с включениями фрагмента керамики с раковинной примесью, керамической крошки, частичек золы, мелких кальцинированных костей залегал под слоем № 1 в виде узкой, мощностью до 4 см, прослойки, достигая 10 см в ЮЮЗ части ямы и в виде понижающейся с С на Ю и плавно выклинивающейся

ся линзы длиной до 55 см от ССВ края ямы и мощностью до 15 см (рис. 9: д);

6) плотный вязкий суглинок темного серо-коричневого цвета залегал в нижней части ямы, достигая мощности 48 см у ЗЮЗ края ямы и 8–18 см в ее центральной части (рис. 9: е);

7) материк плотный, вязкий суглинок коричневого цвета (рис. 9: ж).

Положение костяка.

На дне ямы располагался мужской (по предварительному определению) скелет в вытянутом положении на спине, ориентированный головой на ССВ, череп располагался на некотором возвышении теменной частью вверх, надвинувшись на шейные позвонки.

Руки были вытянуты вдоль туловища. Все крупные и большая часть мелких костей находились в анатомическом положении. Нарушено анатомическое положение мелких костей правой руки и костей стоп. Сохранность костей хорошая. Из следов видимых повреждений отметим зажившее прижизненное повреждение (ранение) правой плечевой кости.

Инвентарь.

К СЗ в 9 см от черепа располагалась подвеска (рис. 9: 1, 10: 9) из бронзовой проволоки круглого сечения со слегка сплюснутыми концами внахлест, на которую было нанизано семь бусин. Первая бело-розовая матовая диаметром 0,3 см, толщиной 0,2 см; вторая – белая с зеленовато-синими полосками по диагонали матовая диаметром 0,3 см, толщиной 0,25 см; третья – биконическая диаметром 0,7 см и толщиной 0,6 см темно-синего цвета; четвертая – бело-розовая матовая диаметром 0,3 см, толщиной 0,25 см; пятая – темно-синяя диаметром 0,3 см, толщиной 0,2 см; шестая – бело-розовая матовая диаметром 0,25 см, толщиной 0,2 см; седьмая – темно-синяя диаметром 0,4 см, толщиной 0,15 см.

К З в 10 см от нижней челюсти располагался сильно окисленный медный предмет длиной 0,9 см (рис. 9: 2; 10: 8).

Между нижними ребрами левой стороны лежал железный сильно коррозированный предмет подцилиндрической формы (рис. 9: 3; 10: 10) длиной 1,1 см, толщиной до 0,8 см с внутренним отверстием 0,4×0,3 см.

К ЮВ от локтевого сустава правой руки, вплотную к нему, петлей вверх располагалась бронзовая накладка (рис. 9: 4; 10: 12). Предмет коррозирован – длина 1,9 см, ширина 0,5

Рис. 10. Инвентарь погребения 1 из раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища
 Fig. 10. Burial 1 goods from excavation I, 2006 at the Kipchakovo hillfort

см в перехвате и 0,6 см максимальная, толщина 0,2 см. Длина дужки 1 см, длина отверстия 0,5 см, ширина 0,3 см. С внешней стороны щитка узкая поперечная канавка.

В 2 см к 3 от локтевой кости лежала вторая накладка (рис. 9: 5; 10: 11) петель вниз. Длина 2,3 см, ширина в зоне расширения 0,7 см, в перехвате 0,5 см, толщина 0,2. Предмет изготовлен литьем. Длина дужки 1,1 см, размеры отверстия 0,7×0,3 см. С внешней стороны щитка узкая поперечная канавка.

В 2 см к В от локтевого сустава левой руки острием к ЗСЗ лежал медный трехлопастной наконечник со скрытой втулкой (рис. 9: 6; 10: 5). Сохранились частички древка, на одной грани – отверстие. Длина 2,2 см, ширина основания 0,9 см, диаметр втулки 0,4 см.

В 6 см к ЮВ от локтевого сустава левой руки острием к СЗ лежал сильно коррозированный медный трехлопастной наконечник со скрытой втулкой (рис. 9: 7; 10: 7). Сохранились частички древка. Длина 1,7 см, ширина основания 0,5 см, диаметр втулки 0,2 см.

В 13 см к В от локтевого сустава левой руки острием к ЗСЗ находился медный втульчатый трехлопастной наконечник (рис. 9: 8; 10: 6). Во втулке сохранились частички древка. Длина 2,5 см, ширина основания пера 0,6 см, диаметр втулки 0,4 см. Острие слегка замято.

В 2 см к ЮВ от локтевой кости левой руки острием к ВЮВ лежал медный трехлопастной наконечник со скрытой втулкой (рис. 9: 9; 10: 4). Во втулке сохранились частички древка, на одной грани есть отверстие. Длина

2,5 см, ширина основания 0,9 см, диаметр втулки 0,4 см.

На правом бедре в месте сочленения с тазовой костью были зафиксированы остатки сильно коррозированного железного предмета длиной до 23 см, шириной до 2,5 см, северная часть которого на длину 10 см была покрыта древесным тленом (рис. 9: 10). Предмет лежал по диагонали к костяку почти по оси С–Ю. Его удалось расчистить, сфотографировать и нарисовать. Попытки сохранить успехом не увенчались. На месте сохранилась бронзовая накладка на деревянные ножны (рис. 9: 11; 10: 25). Представляется, что это остатки рукояти и части клинка.

На рукояти, поперек нее, лежала коррозированная по краям тонкая бронзовая пластина длиной 3,5 см, шириной 1,2 см, толщиной 0,03 см (рис. 9: 11; 10: 25). На противоположных концах ее сохранились следы двух отверстий диаметром около 0,01 см. Пластина венчала край ножен.

Вплотную к правой бедренной кости по линии ССВ – ЮЮЗ лежал сильно коррозированный железный предмет длиной до 14 см, шириной до 3,8 см и толщиной 1,5 см (рис. 9: 12; 10: 26). Сохранность его позволила установить, что он является остатками железного завершения ножен с частью клинка. Деталь ножен изготовлена из свернутого железного листа толщиной 0,15–0,2 см. Его длина 10,7 см, ширина у основания 3,8 см, ширина у окончания 2,6 см, толщина 1,5 см. Около основания и окончания предмета сохранились частички обтягивающей оболочки (видимо, кожи). В ножнах находился остаток сильно коррозированного однолезвийного клинка.

Между бронзовой пластиной-накладкой и правой частью тазовой кости залегал фрагмент витой проволоки из тонкого бронзового листа (рис. 9: 13; 10: 1). Изготовлен из тонкой (около 0,05 см) ленты шириной 1 см, свернутой спиралью. Длина фрагмента 3,4 см, диаметр 0,7 см.

В 3 см к В от браслета на тазовой кости был найден второй фрагмент витой бронзовой проволоки (рис. 9: 14; 10: 2). Его длина 3 см, диаметр 0,7 см. Он полностью аналогичен первому фрагменту.

На крестце, поперек, располагались остатки сильно коррозированного железного предмета (рис. 9: 15; 10: 23). По всей видимости, предмет был изготовлен из железной проволо-

ки подквадратного сечения, спиралью обернутой вокруг какого-то изделия из органического материала (кожи?), сохранившегося в виде тлена коричневого цвета. Диаметр изделия около 1,5–1,7 см, толщина проволоки около 0,3 см. Общая длина около 6 см.

В 10 см к 3 от правого бедра был обнаружен медный трехлопастный наконечник со скрытой втулкой хорошей сохранности (рис. 9: 16; 10: 3) острием к В. Во втулке сохранились частички дерева, на одной грани есть отверстие. Длина 2,5 см, ширина основания 0,9 см, диаметр втулки 0,4 см.

Около стенки ямы, около вынесенной к 3 фаланги большого пальца ноги, в 17 см к СЗ от эпифиза малой берцовой кости, был обнаружен маленький аморфный сильно коррозированный железный предмет (рис. 9: 17; 10: 21) размерами 0,8×0,6×0,4 см. Происхождение и назначение его остаются неясными.

В 5 см к СЗ от железного предмета (рис. 9: 17) был найден еще один аналогичный по форме, размерам (1,1×0,9×0,7 см) и степени сохранности железный предмет (рис. 9: 18; 10: 22). Связь их с фалангой ноги проблематична, вероятнее всего, они были вынесены грызунами и их совместное нахождение – случайность.

Выявлено восемь экземпляров бронзовых скоб-обойм. Первая бронзовая обойма (рис. 9: 19; 10: 17) находилась вплотную к ЮВ от правой большой берцовой кости рядом с эпифизом. Сохранность хорошая. Длина 1,5 см, ширина 0,6 см, толщина металла 0,02 см. Концы обоймы сжаты слегка внахлест.

Вторая обойма (рис. 9: 20; 10: 15) находилась в 1 см к 3 от левой большой берцовой кости рядом с эпифизом. Сохранность фрагментарная. Длина 1,6 см, ширина 0,6 см, толщина металла 0,02 см.

Третья обойма (рис. 9: 21; 10: 16) находилась непосредственно на верхней части правой большой берцовой кости в 9 см от эпифиза. Длина 1,6 см, ширина 0,5 см, толщина металла 0,02 см. Сохранность плохая.

Четвертая обойма (рис. 9: 22; 10: 18) находилась между левой и правой большими берцовыми костями на равном расстоянии. Длина 1,8 см, ширина 0,6 см, толщина металла 0,02 см. Концы обоймы сжаты, не соединены.

Пятая обойма (рис. 9: 23; 10: 14) также находилась между левой и правой большими

берцовыми костями на равном расстоянии, и в 5 см к ЮЮЗ от скобы. Длина 1,5 см, ширина 0,6 см, толщина металла 0,02 см. Сохранность хорошая.

Шестая обойма (рис. 9: 24; 10: 13) находилась в 1 см от левой большой берцовой кости на расстоянии в 5 см к Ю от обоймы ×23/-120. Сохранилась двумя фрагментами. Общая длина 2,1 см, ширина 0,55 см, толщина металла 0,02 см. Концы обоймы разжаты.

Седьмая обойма (рис. 9: 25; 10: 20) находилась вплотную к верхней части правой большой берцовой кости, в 2 см от обоймы (рис. 9: 21). Сохранность плохая. Длина 1,8 см, ширина 0,5–0,6 см, толщина металла 0,02 см. Сохранившийся конец обоймы слегка отогнут.

Восьмая обойма (рис. 9: 27; 10: 19) находилась частично под правой большой берцовой костью, в 1 см от обоймы (×19/-121). Сохранность фрагментарная. Длина сохранившейся части 1,5 см, ширина 0,6 см, толщина металла 0,02 см. Конец обоймы слегка прижат.

На крестце, в 1 см к ЮВ от железного предмета (рис. 9: 15), был найден изогнутый петлей (и обращенный петлей кверху) коррозированный железный предмет (рис. 9: 26; 10: 24). Один конец его уплощен и имеет прямоугольное сечение шириной 1,1 см и толщиной 0,2 см. Второй конец отогнут наружу и имеет подтреугольное сечение толщиной до 0,4 см. В районе петли сечение подквадратное, до 0,4 см. Общая длина предмета 6,5 см, ширина петли 2,1 см.

Два фрагмента железного кольца овальной формы, изготовленного из прокованного железного прута подпрямоугольного сечения (рис. 9: 28; 10: 27), располагались к З в непосредственной близости от рукояти кинжала (рис. 9: 10). Длина около 7,3 см, ширина 5,5 см, толщина до 0,3 см. Предмет, видимо, был обтянут кожей или грубой материей, следы которой сохранились двумя небольшими фрагментами-утолщениями.

При анализе расположения вещевого инвентаря привлекают внимание следующие обстоятельства: а) стрелы обращены острием к погребенному (рис. 9: 6, 7, 8, 16; 10: 5, 7, 6, 3). Их местоположение свидетельствует о том, что стрелы были положены со сломанными древками, если только причиной их «раскиданности» не явилась деятельность мелких землероев, что кажется более вероятным; б) бронзовые обоймы, кроме двух (рис. 9: 23,

24; 10: 14, 13), расположены в линию и определяют верх обуви, вероятно высоких сапог, либо украшенный обоймами нижний край верхней одежды типа кафтана или армяка; в) сильнокоррозированные железные предметы (рис. 9: 15, 26; 10: 23, 24) являются частью пояса, кольцо (рис. 9: 28; 10: 27) было, вероятно, привешено к поясу. Вполне возможно, что железный изогнутый предмет (рис. 9: 26; 10: 24) являлся поясным крючком, а железный предмет из колечка со штырьком (рис. 9: 15; 10: 23) можно соотнести с крепежом кинжального шнура к поясу; г) бронзовые пронизи (рис. 9: 13; 10: 1 и рис. 9: 14; 10: 2), вероятно, украшали кожаный шнурок, на котором был подвешен кинжал к поясу.

Мужское захоронение с предметами вооружения на площадке раскопа по своим характеристикам (форма и ориентировка могильной ямы, положение захороненного, состав погребального инвентаря) и хронологической привязке вполне соотносится с ранними погребениями Кипчаковского могильника II–I вв. до н. э. При этом данный случай захоронения на территории городища не может рассматриваться обычным явлением для лесостепного оседлого населения раннего железного века. Можно допустить, что это захоронение произвели защитники укрепленного поселка во время военного противостояния с врагом, когда не было возможности похоронить погибшего на кладбище.

Переходя к обобщающей части, можно сделать ряд заключений и предположений касательно курганно-грунтового могильника и городища.

Планиграфические и стратиграфические наблюдения позволяют сделать вывод об однослойности памятника и отнесении его находок к раннепьяноборскому времени. Датирование комплекса находок из раскопок Кипчаковского городища довольно сложно ввиду малочисленности обнаруженных хроноиндикаторов. К таковым могут относиться немногочисленные фрагменты керамики с веревочным орнаментом, медные наконечники стрел, бронзовая накладка с изображением протом медведей из подъемного материала.

Медные наконечники стрел со скрытой и выступающей втулкой могут быть датированы II–I вв. до н. э. (Зубов, Саттаров, 2018, с. 214). Бронзовая накладка с изображением

протом медведей, учитывая случайный характер находки, может быть пока широко датирована в пределах ранней стадии пьяноборской культуры – II в. до н. э. – I в. н. э. (Овсянников, Zubov, 2022, с. 42–43).

Бытует мнение, что веревочный орнамент керамических сосудов является исключительно ананьинской традицией. На сегодняшний день у нас нет оснований рассматривать материалы Кипчаковского городища в двух хронологических горизонтах – ананьинском и пьяноборском. Малочисленность фрагментов керамических сосудов с «веревочным» орнаментом свидетельствует о затухающей ананьинской традиции и не позволяет датировать их более ранним временем. В этом ключе мы склонны рассматривать и изделия глиняной пластики: зооморфные и антропоморфные фигурки, их шапочки, ножки алтариков или курильниц и др. Еще В.А. Ивановым отмечалось, что «подобные фигурки, столь широко распространенные в эпоху позднего ананьина, переходят и в пьяноборскую культуру» (Иванов, 1976, с. 312).

Гораздо более информативный датирующий материал дают погребальные комплексы расположенного в непосредственной близости с городищем Кипчаковского I кургано-грунтового могильника. Исследования Кипчаковского могильника дали чрезвычайно богатый материал по истории раннего этапа пьяноборской культуры.

Исходя из принятых в литературе датировок, опираясь на находки бронзовых наконечников стрел, восьмеркообразных застёжек, одножгутовых эполетообразных застёжек, а также учитывая отсутствие среди инвентаря вещей, которые с достаточно высокой степенью достоверности можно было бы отнести

к более раннему времени, мы можем отнести нижнюю хронологическую границу Кипчаковского I могильника ко времени не ранее II в. до н. э. (Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021a; Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021б). А отсутствие в публикуемых материалах Кипчаковского могильника вещей, характерных исключительно для II века (Голдина, Бернц, 2016), позволяет ограничить верхнюю дату исследованных комплексов I в. н. э. Таким образом, материалы из погребений можно датировать II в. до н. э. – I в. н. э. (Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021a; Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021б). При этом следует отметить, что вся поздняя часть могильника исследована археологическими методами полностью и его омоложение вряд ли возможно. Чего нельзя с абсолютной уверенностью сказать о наиболее ранних комплексах. На сегодняшний день анализ всех материалов погребальных комплексов не дает возможности говорить о времени функционирования могильника ранее II в. до н. э. Но мы не исключаем возможности того, что новые исследования северной части могильника вполне могут дать материалы более раннего времени. Есть все основания предполагать, что площадка городища для проживания древнего населения использовалась именно в хронологических рамках функционирования могильника.

В целом, учитывая значительную площадь Кипчаковского городища, его фортификационные особенности, насыщенность культурными остатками в сравнении с другими пьяноборскими поселениями и большие размеры его могильника, можно предполагать, что этот укрепленный поселок на рубеже эр выполнял роль административно-территориального центра первой величины.

Примечания:

¹ Описание основных характеристик остеологического материала и определение таксономической принадлежности костных остатков проведено к.и.н. Н.В. Росляковой.

² Предположение о принадлежности этого изделия к зубу человека высказано Е.В. Волковой и к.в.н. Г.Ш. Асылгараевой.

³ Определение выполнено к.в.н. Г.Ш. Асылгараевой.

⁴ Описание погребения и стратиграфических слоев, вычерчивание плана погребения выполнено к.и.н. А.И. Королевым.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. ГИ-12/2. М.: Наука, 1978. 104 с., табл. 20–34.

Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 350 с.

Бугров Д.Г. Пьяноборские городища с полукольцевой и кольцевой фортификацией в Икско-Бельском междуречье // *Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов* / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск, 2006б. С. 307–318.

Галимова М.Ш. Кремневые комплексы мезолита – энеолита северной части Икско-Бельского междуречья // *Поволжская археология*. 2012. № 2. С. 6–28.

Гарустович Г.Н., Тагиров Ф.М. Новые находки с Кипчаковского городища на Северо-западе Башкортостана // *УАВ*. Вып. 12. Уфа.: Гилем, 2012. С. 124–135.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) / *ВАУ*. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.

Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II / *Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.)* // *ВАУ*. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.

Голдина Р.Д., Лецинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собрания Удмуртского государственного университета. Ижевск: Удмуртский университет, 2007. 196 с.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / *МИКВАЭ*. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в среднем Прикамье / *МИКВАЭ*. Т. 26. Ижевск, 2013. 184 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // *Поволжская археология*. 2016. № 1 (15). С. 41–89.

Зубов С.Э. Научный отчет об археологических работах на Кипчаковском I могильнике в Илишевском районе Республики Башкортостан в 1992 году. Самара, 1993 // *НОА ИА РАН*. Р-1. №18549.

Зубов С.Э. Проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса // *Вопросы археологии Урала и Поволжья*. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 267–279.

Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // *УАВ*. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 72–88.

Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // *УАВ*. Вып. 10 / Ред. Г.Н. Гарустович. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.

Зубов С.Э., Самтаров Р.Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребений Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // *XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева* / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 210–214.

Зубов С.Э., Самтаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 2. С. 261–300.

Зубов С.Э., Самтаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский комплекс памятников раннепьяноборского времени // *Ранний железный век / Археология Волго-Уралья*. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021б. С. 503–526.

Иванов В.А. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени из северо-западной Башкирии // *СА*. 1976. №3. С. 308–312.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.

Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р. Белой // *УАВ*. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Гилем, 2003. С. 199–215.

Красноперов А.А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч.3: «ножи с горбатой спинкой» // *Археология Евразийский степей*. 2020. № 2. С. 324–328.

Лифанов Н.А. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок объекта культурного наследия федерального значения «Старокиргизовский грунтовой могильник» в

муниципальном районе Илишевский Республики Башкортостан в 2016 г. по Открытому листу №769 от 17 июня 2016 г. Самара, 2017 // Архив НИЛА Самарского университета.

Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Морозов В.В., Бугров Д.Г. Керамические и кремневые материалы Гулюковской I стоянки: к проблеме разграничения гребенчатых и накольчатых комплексов Икско-Бельского междуречья // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 71–75.

Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. Вып. 89 / Отв.ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 77–82.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10. М.: АН СССР. 1963. 56 с., 32 табл.

Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Эпоха каменного века – середина II тыс. н. э. Уфа: Юрика, 2001. 236 с.

Овсянников В.В. К вопросу о происхождении сюжета «медведь в жертвенной позе» в пермском зверином стиле // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 1 (21). С. 77–83.

Овсянников В.В. Отчет об археологических разведках в Илишевском районе республики Башкортостан в 1992 г. Уфа. 1993. // Архив ИА РАН. Р-1 № 17556

Овсянников В.В., Zubov S.E. Новые находки с изображением медведя из Кипчаковского археологического комплекса (лесостепное Предуралье) // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1 (56). С. 37–47.

Саттаров Р.Р. Глиняная пластика Кипчаковского городища раннепьяноборского времени // XLV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1–3 февраля 2013 г.). Тезисы докладов. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. С. 111–113.

Саттаров Р.Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н. э. – II в. н. э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 167 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.

Старостин П.Н. Отчет о раскопках могильника «Старый Чекмак», проведенных осенью 1976 г. Казань, 1977 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6268.

Тагиров Ф.М. Научный отчет об археологических исследованиях в Аургазинском и Илишевском районах БАССР, проведенных в 1990 г. по Открытому листу № 620 (форма № 4). Уфа. 1990 // НОА ИА РАН. Р-1. №15896.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.

Черных Е.М. Пряслица Зуевключевского I городища в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 62–81.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 186–216.

Информация об авторах:

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sattarov.rr@rambler.ru

REFERENCES

Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaiia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bugrov, D. G. 2006. *Poseleniya p'yanoborskoy kul'tury v Iksko-Bel'skom mezhdurech'e (Settlements of the Pyany Bor Culture in the Ik-Belaya Interfluve)*. Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Bugrov, D. G. 2006. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleeniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age)*. Izhevsk: Udmurt State University, 307–318 (in Russian).

Galimova, M. Sh. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 6–28 (in Russian).

Garustovich, G. N., Tagirov, F. M. 2012. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 12. Ufa: "Gilem" Publ., 124–135 (in Russian).

Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).

Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. II. Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoi kul'tury (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).

Goldina R. D., Leshchinskaya, N. A., Chernykh, E. M., Bernts, V. A. 2007. *Nasledie narodov Prikam'ia. Drevnosti Prikam'ia iz sobraniia Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta (Kama Peoples' Heritage: Antiquities of the Kama Area in the Collection of the Udmurt State University)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Krasnopeorov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II-III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Kolobova, T. A., Kazantseva, O. A., Mitriakov, A. E., Shatalov, V. A. 2013. *Tarasovskoe sviatilishche rannego zhelezного века v srednem Prikam'e (Early Iron Age Sanctuary Tarasovo in the Middle Kama River Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 26. Izhevsk (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (15), 41–89 (in Russian).

Zubov, S. E. 1993. *Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na Kipchakskom I mogil'nike v Ilishevskom raione Respubliki Bashkortostan v 1992 gody (Scientific Report on Archaeological Activities at the Kipchakovo I Burial Ground in the Ilishevsky District of the Republic of Bashkortostan in 1992)*. Samara. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. no 18549 (in Russian).

Zubov, S. E. 2004. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya (Issues of Archeology of the Urals and the Volga Region)* 2. Samara: "Samarskiy universitet" Publ., 267–279 (in Russian).

Zubov, S. E. 2007. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 6–7. Ufa: "Gilem" Publ., 72–88 (in Russian).

Zubov, S. E. 2010. In Garustovich, G. N. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 10. Ufa: "Gilem" Publ., 64–82 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)*. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 210–214 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 261–300 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R., Tagirov, F. M. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3.

Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 503–526 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 308–312 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1984. *Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ia v epokhu rannego zheleza (I tys. do n.e. – pervaiia polovina I tys. n.e.) (Armament and Warfare of the Finno-Ugrians from the Cis-Urals in the Early Iron Age (1st Millennium B.C. - first half of 1st Millennium A.D.))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A. 2003. In Yaminov, A. F. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 4. Ufa: “Gilem” Publ., 199–215 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 324–328 (in Russian).

Liphanov, N. A. 2017. *Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh raskopok ob "ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Starokirgizovskiy gruntovyy mogil'nik» v munitsipal'nom rayone Ilishevskiy Respubliki Bashkortostan v 2016 g. V 3 tomakh (Report on the Research Archaeological Excavations of the Cultural Heritage Site of Federal Significance “Staroe Kirgizovo Subsoil Burial Ground” in the Ilishevsky Municipal District of the Republic of Bashkortostan in 2016. In 3 volumes)*. Samara. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS (in Russian).

Lyganov, A. V., Galimova, M. Sh., et al. 2015. In Lozovskii, V. M., Lozovskaia, O. V. (eds.). *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiia, paleoekologiia, traditsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu V.P. Tret'iakova (Neolithic Cultures of Eastern Europe: Chronology, Paleoecology, Traditions)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 71–75 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1962. In Passek, T. C. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 89. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 77–82 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1-10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Obydenov, M. F., Korepanov, K. I. 2001. *Chelovek v iskusstve Urala, Prikam'ia i Srednego Povolzh'ia. Epokha kamennogo veka – seredina II tys. n.e. (People in the Art of the Urals, Kama Region and Middle Volga Region. The Stone Age Period – mid-2nd Millennium A.D.)*. Ufa: “Iurika” Publ. (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Zubov, S. E. 2020. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serii Istorii (Bulletin of Perm University. History series)* 21 (1), 77–83 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 1993. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Ilishevskom rayone respubliki Bashkortostan v 1992 g. (Report on archaeological reconnaissances in the Ilishevo district of the Republic of Bashkortostan in 1992)*. Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 17556 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Zubov, S. E. 2020. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serii Istorii (Bulletin of Perm University. History series)* 56 (1), 37–47 (in Russian).

Sattarov, R. R. 2013. In *XLV Uralo-Povolzhskaia arkheologicheskaiia konferentsiia studentov i molo-dykh uchenykh (45th Conference of Students and Young Scientists from the Ural and Volga Regions)*. Izhevsk: Udmurt University Press, 111–113 (in Russian).

Sattarov, R. R. 2019. *Importnye predmety v p'ianoborskoi kul'ture (konets II v. do n.e. – II v. n.e.) (Imports in the Pyany Bor Culture (end of the 2nd c. BC – 2nd c. AD))*. Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Starostin, P. N. 1977. *Otchet o raskopkakh mogil'nika «Stariy Chekmak», provedennykh osen'yu 1976 g. (Report on the excavations of the burial ground “Stariy Chekmak”, conducted in the autumn of 1976)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 6268 (in Russian).

Tagirov, F. M. 1990. *Nauchniy otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v Aurgazinskom i Ilishevskom raionakh BASSR, provedennykh v 1990 g. po Otkrytomu listu № 620 (forma № 4) (Scientific Report on Archaeological Studies in the Aurgazinsky and Ilishevsky Districts of the BASSR in 1990 according to the*

Open Sheet No. 620 (Form No. 4)). Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. no 15896 (in Russian).

Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. M. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2*, 62–81 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Korenyuk, S. N. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 186–216 (in Russian).

About the Authors:

Zubov Sergey E. Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation, guberfond@rambler.ru

Sattarov Ruzil R. Candidate of Historical Sciences. Associated professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.